

Глава 7. Репрезентация дискурса религиозного экстремизма в республике (кейс-стади по материалам газетной прессы)

Покушение на муфтия Республики Татарстан и убийство его бывшего заместителя летом 2012 года, а также последовавшая позднее спецоперация по обезвреживанию предполагаемых боевиков, стали ключевыми событиями российских, в том числе региональных массмедиа. Любое происшествие, определяемое как «теракт», автоматически попадает в информационное пространство СМИ, так как обладает атрибутами сенсационности – новизной и драматичностью.

Отличительной особенностью данных событий является то, что они произошли в регионе России, где этого никак не ожидали. Во-первых, Татарстан, согласно данным социологических исследований и мнению экспертов, является вполне благополучной в этноконфессиональном плане республикой, для которой характерно толерантное сосуществование представителей различных этнических групп и конфессий. Во-вторых, долгие годы «оплотом» религиозного экстремизма считались южные национальные республики России. Формирование нового политического и экономического режима, рост этнического самосознания в 1990-е годы сделали возможным появление плодотворной «почвы» для распространения радикальных направлений ислама в кавказских республиках¹. В Татарстане на этом фоне развития радикальных исламистских групп не произошло. В-третьих, Татарстан зачастую репрезентируется как центр татарской / мусульманской культуры: проведение Всемирного конгресса татар, открытие Российского исламского университета в г. Казани, строительство мечетей, официальное празднование главных мусульманских праздников. Все это свидетельствует об институционализации исламских ценностей и их закреплении как устойчивых социальных практик, сосуществовании «мирской» и религиозной культур. В-четвертых, провозглашаемый паритет между исламом и православием является главным показателем стабильности и толерантности региона.

¹ См.: Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // *Общественные науки и современность*. 2002. № 7. С. 115.

Исследователи подчеркивают, что в России наблюдается патерналистская позиция государства по отношению к мусульманству. Одним из мотивов согласия муфтиятов на подобную поддержку является возможность противостоять «неформальному» исламу¹. Проблема противостояния «традиционного» и «нетрадиционного» ислама связана с тем, что мусульмане часто воспринимают свою версию ислама как «ислам вообще». Исследователи отмечают, что у российских мусульман это выражено более ярко². «Традиционный» ислам, характерный для России, называют неотрадиционализмом-консерватизмом, который направлен на сохранение ислама в его этническом или региональном варианте. Представители этого течения преподносятся как носители официальной, поддерживаемой государством, версии ислама, ориентированной на реализацию коранических и суннитских установок. Это направление ислама имеет последователей в Духовном управлении мусульман (ДУМ) Татарстана³. Они также разделяют идею реисламизации норм бытового поведения. По мнению А. Малашенко, такой «псевдотрадиционный ислам» начал проигрывать другой версии ислама – неосалафийе – выступающей за очищение религии и рассматривающей ее как способ борьбы за социальную справедливость⁴. Ислам допускает плюрализм позиций в богословском и идеологическом плане, поэтому в нем и сформировались оппозиционные власти направления⁵.

В России наблюдается тенденция размежевания внутри мусульманской общины. С одной стороны, это татарские имамы, куда входят европейская часть и Сибирь, с другой – имамы республик Северного Кавказа. Вторая линия «разрыва» – это противостояние внутри ДУМЕС (Духовного управления мусульман европейской части и Сибири), которое в 1990-е годы распалось на ЦДУМ (Центральное Духовное управление мусульман) и СМР (Совет муфтиев России). Между этими двумя структурами наблюдаются соперничество и

¹ См.: Малашенко А. Ислам для России. М., 2007. С. 43.

² См.: Малашенко А. Указ. соч. С. 16.

³ См.: Абдулагатов З. Дагестан и Татарстан: две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1. С. 60.

⁴ См.: Малашенко А. Указ. соч. С. 34.

⁵ См.: Там же. С. 46.

борьба за возможность влиять на власть и выступать от имени мусульман¹.

Феномен «ваххабизма» («исламизма») является проблемой для обеих мусульманских общин – евро-сибирской и северокавказской. Систематизация причин распространения этого феномена, обозначенных исследователями, позволяет выделить факторы «внешней среды» (политической и социально-экономической сфер) и собственно веяния религиозной сферы². К первой группе можно отнести: трансформацию политических структур, социально-экономический кризис, усиление религиозных чувств верующих, падение уровня жизни населения, подавление властями инакомыслия и оппозиции, криминализацию общества, нестабильность на Северном Кавказе. Ко второй группе – стремление ислама регламентировать мирскую жизнь, проникновение арабской версии ислама в РТ в постсоветский период, амбиции лидеров религиозных групп.

Значимость кейс-стади – изучения характера освещения покушения на муфтия и обезвреживания боевиков в г. Казани – объясняется тем, что получаемая через каналы массмедиа информация воспринимается широкомасштабной аудиторией как самая важная и актуальная, СМИ создают темы для публичного обсуждения, осуществляется воздействие на общественное мнение. Однако в рамках концепции «установления пунктов повестки дня», введенной в научный оборот У. Липпманом, СМИ не столько информируют аудиторию о происходящих событиях, сколько отбирают отдельные вопросы для их обсуждения в строго определенном ключе³. Поэтому современные массмедиа превращаются в средство не столько отражения, сколько конструирования социальной реальности. В рамках данного исследования выявляются созданные печатными СМИ «картины реальности» сенсационных событий: покушения на муфтия Республики Татарстан Илдуса Файзова и убийство начальника учебного отдела ДУМ РТ Валиуллы Якупова 19

¹ См.: Там же. С. 13.

² См.: Малашенко А. Указ. соч. С. 31; Поминов С.Н. Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма // Автореф. дис. ... канд.юрид.наук. М., 2007. <http://www.dissercat.com/content/organizatsiya-deyatelnosti-organov-vnutrennikh-del-v-sfere-protivodeistviya-proyavleniyam-re/> (дата обращения: 18.12.2012).

³ См.: Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. М., 2004.

июля 2012 года и спецоперации по обезвреживанию предполагаемых преступников, причастных к покушению и убийству, на одной из улиц г. Казани 24 октября 2012 года.

Ключевые понятия, используемые в рамках данного дискурса-анализа, – религиозный экстремизм и терроризм – нуждаются в уточнении в нормативно-правовом аспекте. Согласно Федеральному закону № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года, под экстремистской деятельностью (экстремизмом) понимаются следующие действия (ст. 1):

- насильственное изменение основ конституционного строя и целостности РФ;
- террористическая деятельность и ее оправдание;
- возбуждение социальной, расовой, национальной, религиозной розни;
- пропаганда исключительности по национальному, расовому, религиозному, социальному признаку;
- нарушение прав человека по социальному, расовому, национальному, религиозному, языковому признаку;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав с применением насилия либо его угрозой;
- воспрепятствование законной деятельности государственных и муниципальных органов, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений с применением насилия либо его угрозой и др.¹.

Согласно этому же закону, субъектами противодействия экстремистской деятельности являются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции (ст. 4).

Под религиозным экстремизмом исследователи понимают «крайнюю форму реализации радикальной религиозной идеологии, выражающейся в осуществляемых по мотивам религиозной нетерпимости противоправных деяниях лиц и (или) групп, приверженцев определенного вероучения, а также в публичных

¹ См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». <http://base.garant.ru/12127578/#1/> (дата обращения: 18.12.2012).

призывах к совершению таковых деяний по отношению к лицам и социальным группам, не разделяющим взгляды и убеждения экстремистов»¹. Критерии религиозного экстремизма в законе детально не прописаны.

Ученые среди основных признаков религиозного экстремизма выделяют:

- наличие религиозной идеологии, проповедующей нетерпимость к сторонникам иных религиозных взглядов;
- идеологическое одобрение применения насильственных средств и методов;
- доминирование эмоциональных способов пропаганды своих идей;
- обращение к чувствам, а не разуму людей;
- создание харизматического, «непогрешимого» образа лидера;
- доминирование в сознании членов организаций религиозной доктрины и отрицание норм остального мира².

Таким образом, главным признаком религиозного экстремизма является одобрение или совершение противоправных действий организацией, группой лиц, одним человеком, основанных на мотивах религиозной нетерпимости.

Под терроризмом, согласно Федеральному закону № 35-ФЗ от 6 марта 2006 года, понимается «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»³ (ст. 3). По мнению исследователя Э.А. Паина, терроризм является крайним насильственным вариантом экстремизма⁴. В этом же законе раскрывается содержание понятия «террористический акт» – «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих

¹ Цит. по: Тимофеева Л.Д. Религиозный экстремизм: анализ законодательства РФ и зарубежных стран // Экономика. Государства. Общество. Электронный журнал. 2012. № 1. <http://ego.uara.ru/issue/2012/01/01/> (дата обращения: 18.12.2012).

² См.: Поминов С.Н. Указ. соч.

³ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». <http://base.garant.ru/12145408/> (дата обращения: 18.12.2012).

⁴ См.: Паин Э.А. Указ. соч. С. 114.

население и создающих опасность для гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»¹ (ст. 3). В обоих понятиях акцент делается на цели деятельности – стремлении повлиять на решения органов власти, международных организаций.

Религиозный экстремизм означает совершение противоправных действий по религиозным мотивам. Терроризм как «идеология и практика воздействия» и террористический акт – совершение действия общественно опасным способом – предполагают влияние на функционирование органов власти, при этом причины и мотивы акторов теракта в законодательстве не прописываются. Понимание нормативного значения рассмотренных терминов особенно важно при интерпретации медийного освещения «теракта» 19 июля 2012 года в г. Казани.

Объект и предмет дискурс-анализа. Эмпирическим объектом стали публикации в периодической печати в центральных и региональных изданиях, а именно интернет-версии опубликованных статей. Электронные версии печатных изданий сочетают в себе все преимущества традиционного варианта печатной газеты / журнала и интерактивные возможности интернет-ресурсов. Были проанализированы публикации в официальных государственных изданиях федерального и регионального уровня – «Российской газете» и газете «Республика Татарстан». В «Российской газете» отобраны 52 статьи, опубликованные на ее сайте под рубрикой «Покушение на муфтия Татарстана», в период с 19 июля по 30 октября 2012 года. В газете «Республика Татарстан» проанализированы 27 статей за период с 20 июля по 22 августа и с 24 октября по 15 ноября, использован электронный архив газеты, ее официальный сайт. Различия в количестве попавших в выборку статей объясняются тем, что «Российская газета» выходит чаще и имеет большее количество полос. В ней выделена целая рубрика, куда входят все статьи по теме дискурс-анализа. Временной интервал в отобранных для анализа публикациях в газете «Республика

¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Татарстан» объясняется продолжительностью освещения событий (три – четыре недели).

Предмет анализа – особенности презентации событий 19 июля и 24 октября 2012 года в региональной и федеральной прессе. Цель – на основе выявления способов конструирования информации о теракте определить скрытый смысл и значение произошедших событий. Задачи:

- проанализировать основные версии происшествия 19 июля, образы главных действующих лиц, причины случившегося;
- определить способы формирования образов «мы» и «они»;
- установить характер презентации происшествия 24 октября в контексте расследования событий 19 июля;
- выявить последствия происшествий 19 июля и 24 октября в контексте развития отношений региональных и федеральных властей.

В анализе текстов печатных СМИ использован дискурс-анализ, предполагающий целостное прочтение медиа-текста. Такой подход опирается на возможности семиотического направления в социогуманитарных науках, рассматривающего коммуникацию как процесс передачи значений и предполагающего выявление в тексте «завуализованного» смысла. По мнению Р. Барта, скрытый смысл сообщения может принимать форму идеологии, которая в свою очередь предполагает готовые формы понимания мира, исключая возможность индивидуального осознания реальности¹. Идеология, с точки зрения У. Эко, формирует предпосылки для риторики, которую он определил «как совокупность уже апробированных и принятых в обществе приемов убеждения»². Такие риторические приемы можно обнаружить в сфере визуальной и языковой коммуникации. Именно семиотика, по его мнению, занимается выявлением идеологий, спрятанных за риторическими приемами и отражающихся в привычных способах социального общения.

В рамках данного анализа основное внимание уделяется выявлению риторических (языковых) приемов создания «картины» события. Предметом анализа в единстве с текстом статьи стали также

¹ См.: Барт Р. S/Z / Пер. с фр. М., 2001.

² Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. СПб., 1998. С. 102.

фотографии и другие виды визуализации, которыми иногда сопровождаются публикации.

Предпосылками политического и религиозного экстремизма, как отмечают исследователи, являются исторические перемены и кризис идентичности, как следствие – консолидация людей в рамках этнических и конфессиональных сообществ. В основе жизнедеятельности подобных сообществ лежит принцип разделения мира на «мы» – «они», а также формирование негативной оценки другой группы («они» – причина «наших» бед)¹.

Особая роль в формировании «мы» – «они» идентичности принадлежит СМИ. По мнению лингвиста Т.А. ван Дейка, использование приема «мы» – «они» является распространенным способом идеологического воздействия на аудиторию². В дискурсе массмедиа по-разному представляются действия этих двух групп: более детально описываются «позитивные» действия «наших» и «их» негативные» и наоборот³. Данная стратегия, получившая название «поляризация», или «идеологический квадрат», позволяет структурировать медиа-текст и, следовательно, проявления идеологии. Оппозиция «мы» – «они» может выражаться в стилистике и структуре повествования, употреблении особых местоимений, например, «свои», «те» и других риторических приемов. В рамках данного исследования интерес сфокусирован на способах создания образа «мы» и «они», а также определения границ этих «групп».

Английский социолог Дж. Томпсон выделил конкретные способы функционирования идеологии в текстах массмедиа, используемые для поддержания / низвержения отношений доминирования в обществе⁴. Каждый из пяти выделенных способов на практике реализуется в виде нескольких стратегий, которые могут применяться для создания как позитивного образа «мы», так и негативного «они». Рассмотрим эти способы и стратегии.

1. «Легитимация» – отношения доминирования поддерживаются, так как они представлены в качестве справедливых и заслуживающих

¹ См.: Паин Э.А. Указ. соч. С. 115.

² См.: Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. Благовещенск, 2000. С 183.

³ См.: Тузиков А.Р. Теория идеологии в западной социологии: От критики «ложного сознания» к анализу дискурсивных практик масс медиа. М., 2002. С. 217.

⁴ См.: Thompson J.B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Cambridge, 1992.

поддержки. Легитимация достигается с помощью трех стратегий: «рационализации», «универсализации» и «нарративизации». Первая предполагает построение логической цепочки утверждений, с помощью которых защищаются справедливость социальных отношений и институтов. «Универсализация» – представление институциональных образований в качестве всеобщих, хотя на деле они служат интересам отдельных индивидов и групп. «Нарративизация» есть обращение к различным повествованиям, позволяющим «пересмотреть опыт прошлого и рассмотреть настоящее в качестве составной части некоторой вневременной и чрезвычайно важной традиции»¹.

2. «Соккрытие» – отношения доминирования поддерживаются за счет отрицания, отвлечения внимания от реально существующих процессов и явлений. Оно осуществляется с помощью следующих стратегий: «замещение», «эвфемизация», «троп». При «замещении» термин, принятый для обозначения одного объекта, переносится на другой. «Эвфемизация» – это переопределение отношений и институтов в терминах, в которых изначально снимается негативный и усиливается положительный акцент. Троп есть «использование слова или выражения в переносном значении для достижения большей выразительности»². Дж. Томпсон выделяет три наиболее часто встречающиеся варианты тропа: «синекдоха», «метонимия» и «метафора». «Синекдоха» – это использование термина, который относится к части объекта, для обозначения целого и наоборот. «Метонимия» предполагает распространение характеристик, косвенно относящихся к предмету, на сам предмет. «Метафора» – это употребление термина или фразы в отношении объекта или действия, к которому они непосредственно не относятся.

3. «Унификация» предполагает конструирование символических форм единства, которые наделяют индивидов коллективной идентичностью вне зависимости от присущих им различий. Стратегии «унификации»: «стандартизация» и «символизация единства». Первая предполагает ситуацию, «когда символические формы адаптируются к некоторому стандарту, который подаётся и выдвигается в качестве

¹ Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология и практика исследований. М., 2003. С.152.

² Там же. С.153.

общепринятой и приемлемой основы символического обмена»¹. Вторая стратегия создаёт символы единства, коллективной идентичности.

4. «Фрагментация», при которой отношения доминирования поддерживаются не за счет объединения, а за счет разделения индивидов и групп. Применяемые стратегии: «дифференциация» и «исключение». «Дифференциация» – это усиление акцента на различиях, что затрудняет объединение и организацию противодействия сложившимся отношениям. За счет «исключения» формируется образ врага и происходит «демонизация» предмета рассмотрения.

5. «Реификация» – отношения доминирования поддерживаются «посредством представления состояния дел или ситуации в конкретный исторический момент, как некоторого постоянного, вневременного состояния»². «Реификация» выражается в применении следующих стратегий: «натурализация», «погружение во вневременное состояние», «номинализация / пассивизация». В первой стратегии явление предстаёт как результат определённых социально-исторических процессов, как неизбежное следствие «естественных» законов. Во второй стратегии – «социально-исторический феномен лишается своего исторического характера, будучи показанным в качестве постоянного, неизменного, регулярно повторяющегося»³. Третья стратегия предполагает использование характерных грамматических и синтаксических построений. Указанные способы оперирования идеологии на практике могут применяться как по отдельности, так и в совокупности.

Сообщения средств массовой информации, новости, телесюжеты некоторыми исследователями рассматриваются как нарративы, то есть «истории» с разворачивающимися во времени событиями. Как пишет А. Бергер, нарративы являются «средством обоснования», «способом демонстрации чего-либо», «способом человеческого познания» наряду с логико-научным методом

¹ Там же.

² Там же. С. 154.

³ Там же.

аргументации¹. Он отмечает, что телевизионные новостные выпуски – пример современного нарратива. Следуя данной логике, газетная статья также является своего рода «рассказом», а новости, попадающие на первые страницы, часто «выстраиваются» в продолжающуюся во времени историю и печатаются в нескольких выпусках. Взаимосвязанные таким образом статьи формируют более крупный нарратив, представляющий собой «картину реальности» относительно того или иного события. В рамках данного дискурса рассмотренные кейсы можно считать единым взаимосвязанным нарративом, разворачивавшимся в информационном пространстве в течение пяти месяцев. При анализе выделены условные тематические блоки с учетом рассматриваемых деталей темы и временных границ.

«Теракт» федерального значения: версии события.

Происшествия 19 июля 2012 года – убийство начальника учебного отдела ДУМ Татарстана Валиуллы Якупова и покушение на муфтия республики Илдуса Файзова – стали сенсационными и резонансными. Все этапы этих событий (от первых часов после убийства до поиска и уничтожения возможных преступников), даже по прошествии нескольких недель, печатные СМИ регулярно освещали. При описании произошедшего региональное издание «Республика Татарстан» делало акцент на эмоциональной характеристике. Совершенный «терракт» расценивался как «вызов светской власти», «вызов обществу», хотя был спровоцирован, по мнению журналистов, религиозным противостоянием: *«Сегодня брошен вызов. И это вызов не внутри мусульманского духовенства – это вызов светской власти»*, – заявил М.Бабич, полпред Президента РФ в ПФО, прибывший в тот же день в столицу Татарстана. – *«Никто не позволит в спокойном, мирном Татарстане создать условия для развития терроризма»*². «Теракт» был совершен накануне священного для мусульман месяца Рамадан. Журналисты региональной газеты интерпретировали данный факт как «двойной цинизм» преступников. Однако дальнейшего анализа совершение

¹ См.: Бергер А.А. Нарративы в массовой культуре, средствах массовой информации и повседневной жизни // Контексты современности – II: Хрестоматия. Казань, 2001. С. 31.

² Немиров В. Ситуация требует серьезного анализа // Республика Татарстан. 2012. 21 июля. http://rt-online.ru/articles/rubric-72/situaciya_trebuets_sereznoغو_analiza/ (дата обращения: 16.11.2012).

«теракта» в преддверии религиозного поста не получило. Особая трагичность событий подчеркивалась также обращением журналистов к мнению видных политических деятелей – региональных политиков, полпреду Президента РФ и др. Индикаторами важности происшествий стали указание на необходимость усиления охраны религиозных объектов, а также присутствие многих «официальных лиц» (вице-премьеров, депутатов Госсовета) на похоронах В. Якупова.

В «Российской газете» событие 19 июля рассматривалось с нескольких сторон. Во-первых, федеральное издание поначалу более сдержанно, чем республиканская газета, оценило его, используя риторику, близкую нормативно-юридической. Хотя и подчеркивалась значимость происшествия, оно описывалось в жанре ежедневных криминальных новостей: *«резонансное преступление против глав мусульманского духовенства в Казани», «нападение на религиозных деятелей»*. Детально освещались заседания суда по вопросам причастности тех или иных лиц к преступлению, розыск подозреваемых и прочее. Во-вторых, событие расценивалось как «теракт», описывались детали совершенных преступлений и их оценка с точки зрения Уголовного кодекса РФ. Для придания произошедшему событию статуса «теракта», использовалась идеологическая стратегия «рационализация», предложенная Дж. Томпсоном: *«...Было принято решение о дополнительной квалификации посягательства на жизнь Файзова также по статье "Террористический акт, повлекший причинение значительного имущественного ущерба" (п. "в" часть 2 статья 205 УК РФ)*. Кроме того, следователи пояснили, что автомобиль муфтия взорвался на ходу. По предварительным данным, всего было три взрыва. Тип взрывного устройства и его мощность сейчас устанавливаются специалистами. По их мнению, взрывное устройство было закреплено под днищем автомобиля в районе переднего пассажирского сиденья»¹. В-третьих, нарастание напряженности в определении происшествий 19 июля обеспечивалось с помощью проведения исторических аналогий между событиями в Татарстане и республиками Северного Кавказа, казанский «теракт» преподносился

¹ Брайловская С. Бабич провел экстренное совещание // Российская газета. 2012. 19 июля. <http://www.rg.ru/2012/07/19/reg-pfo/soveshanie-anons.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

как «политический вызов»: *«Покушение на муфтия – не просто преступление, а политический вызов, демонстрация силы, – подчеркнул Артем Хохорин. – По такому сценарию развивались события в Дагестане и Ингушетии, которые тоже считались территориями стабильности. Сегодня мы еще можем не допустить подобного, но завтра может быть уже поздно»*¹. Таким образом, событие представлялось уже совсем в другом «свете», фактически ситуация в Татарстане ставила его в один ряд с «проблемными» республиками юга России. В-четвертых, «теракт» воспринимался как способ дестабилизации толерантной обстановки в регионе: по мнению спикера Госсовета РТ Ф. Мухаметшина, *«нападение на духовенство Татарстана – "серьезный сигнал, свидетельствующий о том, что в республике есть силы, стремящиеся дестабилизировать ситуацию, которые пытаются разрушить сформировавшуюся в республике атмосферу доверия и согласия в этноконфессиональной сфере"»*². В-пятых, отмечались негативные последствия «теракта» для имиджа региона: *«Развитие Татарстана будет зависеть от стабильности. То, что случилось, огромный минус для инвестиционной привлекательности республики, огромный вред. Нам придется приложить много усилий, чтобы это пятно вывести»*³.

В целом, сойдясь во мнениях относительно квалификации случившихся 19 июля преступлений как «теракта», федеральное и региональное издания по-разному расценивали его причины. В газете «Республика Татарстан» отмечалось, что «теракт» явился результатом проявлений «радикального» исламизма, проникшего на территорию республики, что мусульманские лидеры боролись с нетрадиционным «радикальным» исламом, это поддерживается руководством республики. *«Рустам Минниханов подчеркнул, что руководство Татарстана не откажется от курса на поддержку в республике традиционного ислама. [...] Илдус Файзов был избран*

¹ Кондрева О., Косов О. «Покушение на муфтия – политический вызов» // Российская газета. 2012. 3 августа. <http://www.rg.ru/2012/08/03/reg-pfo/gossovet.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

² Кондрева О. Госсовет Татарстана изменит закон о свободе совести // Российская газета. 2012. 3 августа. <http://www.rg.ru/2012/08/03/reg-pfo/gossovet-anons.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

³ Кондрева О. Минниханов прокомментировал изменения закона о свободе совести // Российская газета. 2012. 3 августа. <http://www.rg.ru/2012/08/03/reg-pfo/minnikhanov-anons.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

муфтием Татарстана в апреле 2011 года после ухода Гусмана Исхакова. В отношении радикального ислама в Татарстане новый лидер мусульман занял жесткую и принципиальную позицию. Занимавший при Гусмане Исхакове должность заместителя Валиуллы Якупов также крайне нетерпимо относился к экстремистам. После ухода Исхакова он возглавил учебный отдел ДУМ РТ и продолжил работу по противодействию экстремизму»¹.

Стоит отметить, что детально не было представлено, с чем конкретно боролись представители ДУМ Татарстана. В первые дни после «теракта» были озвучены две противоположные точки зрения об ответственности должностных лиц за случившееся. С одной стороны: приводились высказывания Президента РФ В.В. Путина, в которых отмечалось, что произошедшее «трагическое событие» явилось результатом неблагоприятной ситуации в регионе, «упреждающих шагов сделано не было», а ее решение должно носить не только правовой, но и «политический» характер. С другой стороны, события 19 июля явились следствием «недосмотра» со стороны федеральных властей, в частности, полпреда президента в ПФО. Как пишет газета, в апреле состоялся разговор полпреда ПФО с руководителями духовных управлений мусульман субъектов округа, на котором подчеркивалась необходимость принятия мер со стороны светских властей для разрешения противоречий внутри управлений. Журналисты предположили, что меры, предпринятые в республике, были недостаточны. Некоторая непоследовательность в оценке произошедших событий может быть объяснена недостаточностью информации у журналистов для установления возможной причины случившегося. В последовавших позже выступлениях высокопоставленных республиканских чиновников, а именно вице-преьера А. Сафарова и других, отмечались упущения в работе глав администраций на местах в противовес предпринятым республиканскими властями многочисленным мерам поддержания стабильной ситуации в регионе. *«Главы администраций на местах, несмотря на неоднократные предупреждения, не только слабо контролировали ситуацию (полагая, что у них-то все будет*

¹ В канун священного Рамадана // Республика Татарстан. 2012. 20 июля. http://rt-online.ru/articles/rubric-68/v_kanun_svyawennogo_ramadana/ (дата обращения: 16.11.2012).

благополучно, раз с мухтасибом хорошие отношения), но порой и потворствовали деятелям, распространяющим салафитскую идеологию. Осознание угрозы национальной безопасности и необходимости регулирования религиозной сферы в целом пришло с запозданием, констатировал Асгат Сафаров, но отметил, что все-таки со стороны государства было принято немало действенных мер, соответствующих законодательных и нормативных актов»¹. Приведенную в статье аргументацию можно рассматривать как ответ республиканских властей на обвинения в бездействии, озвученные руководством страны. Сразу после выступления А. Сафарова были приведены слова главы МВД по РТ А. Хохорина, представленные как продолжение высказанных идей, что служило еще одним способом укрепления позиций республиканских властей (этот нюанс особенно важен после отставки А. Сафарова с должности министра МВД по РТ): «В тон вице-премьеру Асгату Сафарову выступил и министр внутренних дел Артем Хохорин»².

В качестве вероятной причины произошедших 19 июля преступлений журналисты «Российской газеты», как и коллеги из регионального издания, выдвинули версию размежевания внутри мусульманской уммы в Татарстане, при этом смогли описать некоторые конкретные случаи. Ярким примером такого противостояния было недовольство некоторых мусульманских общин по поводу призыва В. Якупова сжечь религиозную литературу, признанную запрещенной; не все были согласны с этим мнением: «... [Якупов] всегда открыто выступал против тех, кто исповедовал радикальный ислам. За что его многие и не любили. Он был в центре громкого скандала, который разгорелся в 2008 году вокруг запрещенной религиозной литературы. Валиулла хазрат сам обратился к прокурору республики, чтобы посоветоваться, как избавиться от "крамольной" литературы. [...] Валиулла хазрат обратился к мусульманским общинам с призывом сжечь самим запрещенную литературу, не дожидаясь обысков и скандалов. И тогда многие затаили на него злобу, а на страницах некоторых

¹ Мушкина И. Согласие и стабильность общества – наша самая большая ценность // Республика Татарстан. 2012. 4 августа. http://rt-online.ru/articles/rubric-68/soglasie_i_stabilnost_obwestva_nasha_samaya_bolshaya_cennost/ (дата обращения: 16.11.2012).

² Там же.

мусульманских СМИ появились избличительные статьи, где Валиуллу хазрата называли не иначе как лжеученым, которому не место в умме»¹.

Журналисты «Российской газеты» высветили и другие версии убийства и покушения. Одна из них связана с профессиональной деятельностью лидера ДУМ РТ, а именно конфликтом муфтия с отдельными предпринимателями по поводу ведения «мусульманского» бизнеса: разногласия с арендосъемщиком халяльного кафе «Азу», а также руководителем компании «Идель Хадж», лишенной при Файзове привилегии организации паломнических туров. В последнем случае журналисты ссылались на письмо рядовых мусульман, в котором муфтий обвинялся в монополизации рынка хадж-туров: *«Сор из избы вынесли, когда несколько дней назад группа паломников опубликовала открытое письмо к президенту Татарстана, где обвинила муфтия Илдуса Файзова в захвате рынка хадж-услуг»*². Межрегиональный паломнический центр «Идель Хадж» занимается организацией поездок в святыне для мусульман места – Мекку и Медину, стоимость эконом-тура в 2012 года была равна 120 тысяч рублей на одного человека³. С 2000 года, когда был организован первый Хадж, центр помог совершить Хадж и Умру (малое паломничество – посещение Мекки в другой, не предназначенный для Хаджа месяц) более 12 тысячам мусульман из Татарстана и других регионов⁴. Создан также фонд помощи накопления финансовых средств для поездки. Организация туристической компании, мусульманских кафе явились проявлением общей тенденции реисламизации социальной жизни, о чем пишут многие исследователи, то есть проникновения мусульманских практик в светскую жизнь. Несколько лет назад В. Якупов отмечал, что в перспективе планируется создать мусульманский банк, в котором будут содержаться денежные средства, полученные ДУМ от закята и вакфов (мусульманских

¹ Брайловская С. Озвучены версии нападения на муфтия // Российская газета. 2012. 19 июля. <http://www.rg.ru/2012/07/19/reg-pfo/fayzov.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

² Брайловская С. Задержаны подозреваемые в покушении // Российская газета. 2012. 20 июля. <http://www.rg.ru/2012/07/20/reg-pfo/podozrevaemie-anons.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

³ См.: Сайт ОО «МПЦ «Идель Хадж». http://idelhajj.ru/programs/hadzh_2012-350/ (дата обращения: 30.12.2012).

⁴ См.: Сайт «Накопительный фонд «Идель Хадж». <http://www.fond-idelhajj.ru/> (дата обращения: 30.12.2012).

«налогов»)¹. Освещение экономической «подверсии» событий 19 июля позволило бы перевести их из статуса «теракта» в статус преступлений в отношении высокопоставленных лиц, но она не получила подробного анализа на страницах газет.

Среди главных агентов борьбы с «радикальными исламистами» в газете «Республика Татарстан» рассматривались региональные власти, которые приняли дополнительные меры по обеспечению безопасности религиозных объектов и социальной инфраструктуры. Наряду с ними активные действия предпринимали и другие субъекты – региональные представительства федеральных подразделений Следственного комитета России, Управления ФСБ по РТ. В прессе указывалось, что они получили поддержку со стороны Президента РФ.

В «Российской газете» подчеркивалось, что именно федеральные службы внесли существенный вклад в расследование произошедшего убийства и покушения: *«... Из центрального аппарата МВД России направлена группа профессиональных сыщиков во главе с заместителем начальника Управления ГУУР МВД России Андреем Кучерявым. Такое указание дал министр внутренних дел РФ Владимир Колокольцев»*². Как и в газете «Республика Татарстан», федеральное издание отмечало оперативность и профессионализм региональных правоохранительных служб. Факт передачи делопроизводства «в первый отдел по расследованию особо важных дел СУ СКР по РТ» означал признание особой опасности совершенных преступлений. Значимость действий федеральных правоохранительных органов подтверждена и позицией Президента РФ В.В. Путина: *«Я только что разговаривал с директором ФСБ. Правоохранительные органы сделают все, чтобы найти, изобличить и наказать преступников. Это произойдет, я не сомневаюсь»*³.

Субъекты противостояния: «Мы» – «Они». Важным элементом репрезентации событий 19 июля было четкое выделение идеологических образов «мы» и «они». Разделительная линия прошла

¹ См. Малашенко А. Указ. соч. С. 19.

² Алимов Т. В Казань прибыли сыщики из Москвы // Российская газета. 2012. 19 июля. <http://www.rg.ru/2012/07/19/reg-pfo/apparat-anons.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

³ Путин пообещал найти виновных в покушении на муфтия Татарстана // Российская газета. 2012. 19 июля. <http://www.rg.ru/2012/07/19/putin-anons.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

между носителями «традиционного» ислама (нынешнего руководства Духовного управления мусульман республики) и представителями «радикальных течений ислама» и «ваххабизма», экспортирующими «экстремистские идеи из-за рубежа». При дифференциации ислама на «традиционный» и «радикальный» журналисты обоих изданий ссылались на мнения авторитетных лиц – руководства республики и ДУМ РТ, исламских лидеров других стран.

В конструировании положительного образа «мы» – татар, следующих «традиционному исламу», и мусульман, придерживающихся ханафитского мазхаба, в газете «Республика Татарстан» использовались косвенные приемы, в том числе представление элементов татарской и мусульманской культур как части мирового наследия: «... *Россия в целом и Татарстан в частности могли бы стать примером для всего мира в диалоге между конфессиями, сохранении культуры и традиции народов Востока*»¹ (муфтий Украины). При создании такого образа журналисты часто ссылались на мнения авторитетных лиц: президентов РФ и РТ, других руководителей структур государственного управления, религиозных деятелей. В их высказываниях обнаруживались идеологические стратегии конструирования групповой идентичности, выделенные Дж. Томпсоном, – нарративизация, символизация единства. В газете за указанный период опубликовано несколько статей, посвященных проведению в г. Казани Международного мусульманского кинофестиваля, открытию мусульманской выставки, празднованию мусульманских праздников. Региональная пресса старалась таким образом подчеркнуть значимость «традиционной» татарской / мусульманской культуры, имеющей мировое значение и принципиальным образом отличающейся от «радикального» ислама. В отдельных статьях журналисты регионального издания старались расширить сконструированный в первые дни образ «мы», подразумевавший поначалу ДУМ РТ, руководство страны и республики, правоохранительные органы, включив в него и всю общественность региона.

¹ Георгиев П. Муфтий Украины: труды татарских теологов изучали во всем мире // Республика Татарстан. 2012. 3 ноября. <http://www.rt-online.ru/articles/rubric-77/mufti-of-ukraine-proceedings-of-the-tatar-theologians-studied-all-over-the-world/> (дата обращения: 16.11.2012).

В «Российской газете» тенденция объединения в образе «мы» не только мусульман «традиционной веры», но и общества в целом, его здоровых сил, лояльных граждан, прослеживалась более четко. Во-первых, читатель рассматривался как важный участник поиска преступников: *«МВД по Татарстану просит всех, кто владеет информацией об обстоятельствах совершенных преступлений, сообщить по телефонам 02 или 052»*¹. Была объявлена награда в миллион рублей за «информацию, которая поможет раскрыть преступления». Однако эффективность таких действий оказалась незначительной, журналисты отмечали низкую активность людей в поиске преступников: *«Несмотря на то, что за сообщение о местонахождении подозреваемых в причастности к теракту объявлена награда, звонков от жителей республики поступает не так много, как хотелось бы»*². Тем самым была предпринята попытка перекладывания ответственности со служб, отвечающих за поиски преступников, на население региона. Во-вторых, подчеркивались успехи правоохранительных органов при проведении следствия: регулярно сообщалось об арестах подозреваемых в преступлении, о ходе расследования дела и действиях правоохранительных органов. Например, мэр г. Казани И. Метшин уверенно заявил о важности расследования этого преступления: *«Это не тот случай, когда нужно говорить о том, что религия отделена от государства»*³. В-третьих, была предпринята попытка объединения всех жителей Татарстана, вне зависимости от конфессии, перед лицом борьбы с «ваххабизмом»: *«Уверен, что народ Татарстана, все верующие столицы, объединятся вокруг этой трагедии, и мы еще жестче будем бороться против всех проявлений вахаббизма»*⁴ (И.Метшин, мэр г. Казани). Используемая идеологическая стратегия «символизация единства» направлена не просто на объединение жителей республики, но и на поддержку позиций региональной элиты, которая рассматривает этот «теракт» как прямой «вызов» властям.

¹ Алимов Т. В Казань прибыли сыщики из Москвы // Российская газета. 2012. 19 июля. <http://www.rg.ru/2012/07/19/reg-pfo/apparat-anons.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

² Брайловская С. Объявили в розыск четвертого // Российская газета. 2012. 4 октября. <http://www.rg.ru/2012/10/04/reg-pfo/rozisk.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

³ Кондрева О. Мэр Казани: Мы жестче будем бороться против проявлений вахаббизма // Российская газета. 2012. 23 июля. <http://www.rg.ru/2012/07/23/reg-pfo/metshin-anons.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

⁴ Там же.

Пошатнувшийся в информационном поле статус республики как толерантного в этноконфессиональном плане региона требовал срочной реабилитации в глазах общественности. В-четвертых, подчеркивалась поддержка Духовного управления мусульман республики со стороны региональной политической элиты: *«Вертикаль ДУМ мы будем и дальше поддерживать, – подчеркнул [Президент РТ] Рустам Минниханов»*¹. Подобные заявления демонстрировали полное согласие региональных властей с деятельностью религиозных лидеров; покушение на руководителя ДУМ в новостях преподносилось как преступление против государственных деятелей. В-пятых, имела место «героизация» и идеализация жертв «теракта» 19 июля, они рассматривались как «борцы с экстремизмом», противостоящие «сторонникам салафизма». Журналисты даже не пытались указывать на официально провозглашенное разделение государства и религии в светском обществе.

В образ «они» в газете «Республика Татарстан» были включены не только предполагаемые «террористы», но и «адепты» нетрадиционной исламской общины. Борьба «традиционного» и «радикального» ислама, по мнению журналистов, шла давно, в последние годы «традиционалистам» удалось переломить ситуацию в свою сторону. Недовольство «радикалов» вылилось в «теракт»: *«Незадолго до гибели Валиуллы Якупов в интервью «Известиям» признался, что обеспокоен возрастающим влиянием последователей радикальных течений ислама на мусульман республики. По его данным, экстремистские идеи привозят из-за рубежа. «За границу уезжают десятки людей, которые затем возвращаются в республику и выступают как агенты влияния: фактически вербуют новых людей и отправляют их за рубеж, – рассказал «Известиям» Валиулла Якупов. – Некоторые люди даже водружают над частными домами полумесяц, организуют там частную мечеть и выдают себя за муфтиев».* Как объяснил тогда

¹ Кондрева О. Минниханов прокомментировал изменения закона о свободе совести // Российская газета. 2012. 3 августа. <http://www.rg.ru/2012/08/03/reg-pfo/minnikhanov-anons.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

Валиулла Якупов, такие люди становятся идеологами ваххабизма»¹. В газете приводится широко признанное в общественном дискурсе мнение, что причины распространения радикальных течений ислама связаны с возвращением в Россию людей, обучившихся в арабских странах «иной» версии ислама. Лишь однажды в выступлении А. Сафарова указывалась причина массового обучения мусульман за рубежом – отсутствие квалифицированных преподавателей. Однако более детального разбора этой проблемы на страницах газеты не последовало. Как отмечает ряд исследователей, в постсоветский период в России практически не было квалифицированных преподавателей ислама, и в целом уровень преподавания был невысок, поэтому молодые люди устремились на обучение в другие, преимущественно арабские страны. Проблему проникновения «другого» ислама в мусульманские образовательные учреждения так и не удалось решить².

Второе направление создания образа «они» связано с расследованием жизни представителей исламской общины, названной журналистами по имени ее духовного лидера «сектантами-файзрахманистами». Освещение ликвидации «секты» было еще одним способом продемонстрировать усилия республиканских правоохранительных служб в поиске виновных в «теракте» 19 июля и борьбе с «радикальным» исламом: *«Сотрудниками республиканских правоохранительных органов в рамках расследования уголовных дел, связанных с убийством руководителя учебного отдела ДУМ РТ и покушением на муфтия Татарстана, первого августа с. г. в ходе обыска в религиозной общине так называемых «файзрахманистов» [...] было изъято около тысячи экземпляров материалов, которые в настоящий момент проходят экспертизу на содержание признаков экстремистской деятельности»³.* Стоит подчеркнуть, что о деятельности данной «секты» в СМИ сообщалось и раньше. Однако именно после событий 19 июля она стала вызывать опасения властей, ее «ликвидация» стала удобным способом показать «эффективность»

¹ В канун священного Рамадана // Республика Татарстан. 2012. 20 июля. http://rt-online.ru/articles/rubric-68/v_kanun_svyawennogo_ramadana/ (дата обращения: 16.11.2012).

² См.: Малашенко А. Указ. соч. С. 20–21.

³ Дети в «муравейнике» // Республика Татарстан. 2012. 9 августа. http://rt-online.ru/articles/rubric-74/deti_v_muravejnike/ (дата обращения: 16.11.2012).

действий правоохранительных органов. В качестве «признаков радикальности» общины приводились факты социального, а не религиозного порядка: строгое подчинение лидеру, множество сторонников, проживающих вместе (эффект «коммунальной квартиры»), запрет на посещение медицинских учреждений и школ, попытки сопротивления – намерение «открыть баллоны с бытовым газом», отсутствие внешних стоков канализации и др. Однако ни обыски в общине, ни анализ изъятой литературы, ни медицинский осмотр детей не имели долгой медийной истории. Включение в образ «они» группы «сектантов» явилось сильным идеологическим приемом, способствовавшим еще большей «демонизации» противника. Это объясняется устоявшимся в общественном сознании негативным образом закрытой «тоталитарной секты», отделившейся от общества и ведущей замкнутый образ жизни.

Результаты массового опроса жителей Республики Татарстан, проведенного социологами Казанского университета, подтвердили настороженно-негативное отношение людей к сектам. Две трети респондентов вполне лояльно отнеслись бы к смене конфессии кем-то из близких людей, согласившихся с мнением, что *«выбор религии – личное дело каждого»*. Однако возможное присоединение человека к нетрадиционной религии (секте) было воспринято респондентами более категорично: 37% опрошенных высказали бы свое недовольство и отговорили бы, 33,4% – запретили бы посещать организацию.

Линия противопоставления «мы» – «они» по принципу принадлежности к «традиционному» и «радикальному» исламу прослеживалась и в «Российской газете», однако менее ярко. Как и в республиканском издании, она строилась на основе мнения авторитетных лиц, в том числе и из самой РТ. Казанский политолог В.А. Беляев также предупредил о необходимости отделять представителей «традиционного» ислама и «приверженцев ваххабизма», попирающих религиозные устои. Последние, как указал ученый, вообще не являются мусульманами, это «практически совершенно зомбированные и не воспринимающие исконных татарских обычаев» люди. Среди них молодежь, обучившаяся в 1990-е годы в Саудовской Аравии, Катаре, *«где ваххабизм, то есть*

возвращение к средневековой модели Ислама, является государственной идеологией»¹. Журналисты федерального издания старались избегать эмоционального описания образа «они», как это было в региональной газете. Акцент сделан на объяснении причин убийства, главной из которых было разобщение в мусульманской общине.

Последовавшие за покушением многочисленные аресты мусульман рассматривались в федеральной газете как работа следственных органов по поиску преступников: *«В республике идут многочисленные обыски и задержания. Весь Закамский регион, который считается рассадником "вольнодумцев", перевернут с ног на голову. Так, по сообщениям следственных органов Набережных Челнов, только в автограде проверили около 40 человек»². Вместе с тем «Российская газета» старалась оправдать работу правоохранительных органов, отмечая, что они действовали в разумных рамках. Подчеркивалась значимость работ по поиску преступников, поскольку, со слов журналистов, на их поимку брошен весь личный состав МВД по РТ. При описании примет четверых подозреваемых в преступлении по отношению к двоим из них были использованы формулировки «внешне похож на татарина», то есть журналисты умело обошли запрет на упоминание этнической принадлежности, но косвенно ее обозначили.*

Отдельным элементом формирования образа «они» в «Российской газете» стало заявление «амира муджахедов Татарстана Мухаммеда» о своей причастности к преступлению 19 июля. В видеообращении, размещенном на сайте youtube, фигурировали семеро вооруженных автоматами мужчин, шестеро из которых скрывали свои лица масками. Единственный мужчина без маски, представившийся Мухаммедом, заявил, что является «военным амиром Татарстана», и что «муджахеды Татарстана» присягнули Доку Умарову. Доку Умаров – один из лидеров незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе, неоднократно заявлявший о

¹ Брайловская С. Озвучены версии нападения на муфтия // Российская газета. 2012. 19 июля. <http://www.rg.ru/2012/07/19/reg-pfo/fayzov.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

² Брайловская С. Убийцу хазрата ищут у соседей // Российская газета. 2012. 24 июля. <http://www.rg.ru/2012/07/24/reg-pfo/fotorobot.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

своей причастности ко многим российским терактам¹. Лидер «муджахедов Татарстана» взял на себя ответственность за «теракт» 19 июля: *«По словам "муджахеда", "это была успешная операция против врагов Аллаха". Кроме того, "амир" пригрозил расправой всем имамам Татарстана, которые будут выступать против радикального ислама»*². Таким образом, в очередной раз происходило противопоставление сторонников «традиционного» и «радикального» ислама, исходившее на этот раз от противников существующего порядка. Со стороны правоохранительных органов заявление было воспринято как ПР-акция, отмечалось, что такие обращения бывали и раньше.

«Ответ» властей. В газете «Республика Татарстан» операция по обезвреживанию «террористов», произведенная 24 октября, квалифицировалась как своего рода ответная реакция властей и спецслужб на «вызов», брошенный «обществу». Во-первых, указывалось, что операция прошла в преддверии мусульманского праздника Курбан-байрам (напомним, что преступления совершены 19 июля, накануне священного для мусульман месяца Рамадан). Во-вторых, отмечались результативные действия спецслужб по предотвращению еще более крупного теракта в г. Казани (тиражирование «наших» позитивных действий) и обезвреживанию «террористов», виновных в летнем происшествии: *«... В среду здесь была проведена операция против членов террористической группы Роберта Валеева и Руслана Кашапова, находившихся в федеральном розыске. Как считают в УФСБ, Валеев является непосредственным исполнителем убийства руководителя образовательного отдела Духовного управления мусульман республики Валиуллы Якупова и подрыва автомашины председателя ДУМ Илдуса Файзова, а Кашапов был активным соучастником этих преступлений. Для розыска преступников была создана совместная опергруппа из представителей всех силовых структур республики, а также московских сотрудников УФСБ. Силовики получили информацию о том, что террористы готовят крупномасштабный теракт*

¹ МВД и ФСБ проверяют видеообращение «муджахедов Татарстана» // Челнинские известия. 2012. 27 июня. <http://www.chelny-izvest.ru/top5/13633.html/> (дата обращения: 30.12.2012).

² Брайловская С. Заявили о причастности к теракту // Российская газета. 2012. 6 августа. <http://www.rg.ru/2012/08/06/reg-pfo/mudzahedi-anons.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

в местах массового скопления людей во время празднования праздника Курбан-байрам в Казани. Спецслужбам удалось установить адрес скрытного проживания боевиков, после чего преступников заблокировали в квартире, оцепив район и эвакуировав жителей»¹. Таким образом, сами журналисты ставили некую точку в долгой истории по расследованию «теракта» 19 июля и поиске преступников. Несмотря на тот факт, что «преступники» были уничтожены и, следовательно, не могли дать показаний, журналисты придерживались официальной версии, указывая на их причастность к казанскому «теракту». В-третьих, образ «мы» хорошо вырисовывался при его противопоставлении образу «они», при этом использовалась стратегия оправдания предпринятых мер силового захвата: «На предложение сдаться террористы ответили огнем, и в ходе штурма были уничтожены. Один из бандитов, по сообщению УФСБ, привел в действие так называемый пояс шахида, который был на нем закреплен, но за мгновение до этого один из спецназовцев бросился на него и закрыл своим телом, чем спас жизни других участников операции. Позднее он скончался от ран»². Вместе с тем происходила «демонизация» образа «они».

В «Российской газете» операция по «обезвреживанию боевиков», проведенная 24 октября 2012 года, также рассматривалась не просто как продолжение дела по расследованию «теракта» 19 июля, но и как промежуточный итог проведенного расследования. Сообщалось, что в ходе действий правоохранительных органов был уничтожен один из подозреваемых в «теракте» «боевиков». «Следственные органы не сомневаются, что все эти происшествия – звенья одной цепи. Так как в ходе операции 24 октября был уничтожен только один из четырех подозреваемых – Роберт Валеев, остальные преступники [...] все еще находятся в международном розыске»³. Однако в другой статье сообщалось о двух убитых «боевиках», подозревавшихся в причастности к «теракту» 19 июля. Способом легитимации действий правоохранительных органов

¹ Спецназовец закрыл своим телом товарищей // Республика Татарстан. 2012. 27 ноября. <http://rt-online.ru/articles/rubric-74/the-soldier-covered-his-body-comrades/> (дата обращения: 16.11.2012).

² Там же.

³ Брайловская С. В Казани объединили громкие дела // Российская газета. 2012. 25 октября. <http://www.rg.ru/2012/10/25/reg-pfo/dela-anons.html/> (дата обращения: 16.11.2012).

служило указание на наличие в квартире убитых оружия и взрывчатки, а также оказание сопротивления, попытка применения взрывного устройства. Использование идеологических стратегий «исключения» и «рационализации» позволили сформировать четкий, не подлежащий сомнению образ «врага». Детальное освещение данной контроперации явилось одним из главных аргументов оправдания деятельности правоохранительных органов, не сумевших ранее предотвратить «теракт», и стало демонстрацией их активной и плодотворной работы. Успешность действий спецслужб подчеркивалась фоторепортажем и видеороликом с места события 24 октября, выложенным на сайте «Российской газеты». Успехи правоохранительных органов стали подтверждением правильности выбранной федеральными и республиканскими властями стратегии борьбы с проявлениями религиозного экстремизма и терроризма в стране.

Проблема федерализма в контексте антитеррористической операции. Определив первоначально события 19 июля как «вызов обществу» и «светской власти», газета «Республика Татарстан» последовательно придерживалась этой точки зрения. Одной из главных задач, которую решало региональное издание, была легитимация сложившихся в республике властных отношений, подчеркивались их целесообразность и оправданность. В качестве веских аргументов издание приводило цитаты из высказываний и посланий представителей общественных организаций, политических партий. В сообщениях этих агентов обнаружили риторические символические формы, выделенные в свое время Дж. Томпсоном. Так, в послании Общественной палаты РТ говорилось, что произошедший террористический акт – это *«попытки внести разлад в дружную семью народов Татарстана»*¹ (стратегия стандартизации). В информации от Ассамблеи народов Татарстана подчеркивалось мирное сосуществование представителей разных конфессий в республике, их взаимодействие с органами власти. Татарстан преподносился как пример *«гармоничного сосуществования на равных православия и ислама»*, образец того, как эффективно

¹ Случившееся – вызов обществу // Республика Татарстан. 2012. 21 июля. http://rt-online.ru/articles/rubric-72/sluchivsheesya_vyzov_obwestvu/ (дата обращения: 16.11.2012).

«диаспоры взаимодействуют с органами власти» (стратегия рационализации). В послании партии «Единая Россия» говорилось, что *«совершенные преступления ставят под угрозу основополагающие принципы и ценности нашего общества, общественное спокойствие, политическую стабильность, безопасность и неприкосновенность человеческой жизни, многовековое олицетворение Казани как города мира, согласия и взаимопонимания»*¹ (стратегия нарративизации). Использование идеологических стратегий поддержания существующих отношений доминирования, а также других приемов – ссылка на мнение авторитетных лиц, тиражирование значимости и ценности татарской / мусульманской культуры в мировом масштабе – позволили печатному изданию выстроить «наступательную» риторику, сведя к минимуму оправдания по поводу произошедшего «теракта» и детальное изучение причин преступлений. Выбранная стратегия вполне объяснима, поскольку пошатнувшееся положение региональной элиты требовало срочной «реабилитации».

Еще одним аргументом в региональной газете в пользу подтверждения значимости и устойчивости позиций республиканских властей было освещение заседания Консультативного совета при Председателе Совета Федерации по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями в г. Москве и научно-практического семинара для российских уполномоченных по правам человека, прошедшего в г. Казани. В первом сообщении отмечалось, что на заседании Консультативного совета, состоявшегося 9 ноября в г. Москве, был обсужден проект Стратегии реализации государственной национальной политики. Выдвинутая предварительно (в проекте Стратегии) идея о новых формах территориального управления, заменяющих федерализм, не получила поддержки ни со стороны региональных политиков, ни со стороны ученых. В противовес этому подчеркивалось, что идеи, высказанные Председателем Госсовета РТ Ф. Мухаметшиным, получили поддержку. Основной причиной возникновения «радикального» ислама в республике, по его мнению, послужило обучение некоторых мусульман за рубежом в моноконфессиональных странах: «...

¹ Там же.

Появились проповедники, получившие религиозное образование в мононациональных и моноконфессиональных государствах и исповедующие сегодня нетерпимость не только к представителям других конфессий, но даже к единоверцам-мусульманам, придерживающимся традиционного для Татарстана миролюбивого и просвещенного ислама»¹. Выдвинутые направления борьбы с «радикальным» исламом ограничивались административными, правовыми, финансовыми мерами и квалификационными требованиями: создание правительственного органа по делам национальностей, выделение ассигнований на реализацию национальной политики, внесение изменений в государственные образовательные стандарты и в федеральные законы, ужесточение контроля за образовательным уровнем и квалификацией духовных лиц.

Освещение работы данного Консультативного совета высветило неявную тему – проблему переопределения и трансформации взаимоотношений федеральной и региональной политических элит. Произошедший 19 июля «теракт» послужил «удобным» поводом изменить характер отношений между федеральным центром и регионами в пользу первого в связи с тем, что национальные республики представляют, по мнению федерального издания, определенную опасность в связи с распространением «радикального экстремизма». В частности, поднимался вопрос о новых формах территориального устройства страны. Представители региональной элиты как сторонники федерализма, напротив, всеми возможными способами пытались показать нетипичность проблемы исламского экстремизма для Татарстана.

На семинаре уполномоченных по правам человека произошедший в июле «теракт» рассматривался скорее как исключение, выбивающееся из общего регионального контекста «толерантности и межкультурного диалога», вероятно, поэтому никаких рекомендаций по противодействию экстремизму принято не было, семинар был нацелен скорее на обмен опытом.

¹ Позиция Татарстана поддержана // Республика Татарстан. 2012. 10 ноября. <http://rt-online.ru/articles/rubric-70/the-position-of-tatarstan-supported-by/> (дата обращения: 16.11.2012).

Газеты «Республика Татарстан» и «Российская газета» представили официальную точку зрения на убийство и покушение 19 июля и обезвреживание «боевиков», причастных к «теракту», 24 октября 2012 года. Печатные издания сошлись во мнении, что случившиеся события явились «терактом», однако позиции относительно деталей и причин случившегося несколько различались. В газете «Республика Татарстан» доминировала эмоциональная оценка произошедших 19 июля событий, определяемых как «теракт». Используемая риторика подчеркивала сенсационный характер случившегося, что во многом определяло особенности освещения этапов расследования преступлений. Выделив главную причину «теракта» – проникновение «нетрадиционного», «радикального» ислама на территорию республики – журналисты не пытались углубиться в существо проблемы или детально раскрыть, сведя ее к освещению действий неопределенных «радикалов» и нетрадиционной исламской общины. В «Российской газете», хотя и отмечался сенсационный характер случившегося, преобладала более сдержанная риторика; предпринимались попытки отождествления происшествия в Казани с ситуацией в республиках Северного Кавказа. Однако самый пугающий вариант причин «теракта» – действия «вооруженных бандформирований» – был воспринят как маловероятный. Вместе с тем в федеральном издании предполагаемые преступники, представители «радикального», «нетрадиционного» ислама, позиционировались в виде конкретных лиц, объявленных в международный розыск. В данном случае освещение «теракта» осуществлялось в русле ежедневных криминальных новостей. Операции по обезвреживанию «преступников» 24 октября в обеих газетах рассматривалась как успех правоохранительных органов и ответ властей на «вызов» представителей «радикального» ислама.

Развернувшийся на страницах газет медиа-нарратив представляет собой законченную «историю», состоящую из следующих последовательных этапов (элементов): «происшествие» («теракт» 19 июля 2012 года), «первая реакция» (высказывания и действия руководства и правоохранительных органов в первые дни после происшествия), «повторная реакция» (последовавшие позднее

продуманные действия и реакция представителей государственных и правоохранительных структур), «кульминация» (или «ответ» властей – спецоперация по обезвреживанию предполагаемых преступников 24 октября 2012 года) и «послесловие» (выводы, сделанные по итогам происшествия, последствия ситуации). Несмотря на выделение общих для обеих газет стадий медиа-нарратива, в каждой из них была своя специфика освещения как отдельных звеньев, так и всей ситуации в целом.

Первый этап – «происшествие» – потребовал от изданий быстрой реакции в освещении событий. «Российская газета», используя возможности своего интернет-ресурса, в тот же день опубликовала 15 статей и заметок о случившемся 19 июля «теракте», выставила фоторепортаж с места события. Оперативность представления информации во многом повлияла на характер риторики – сдержанное и четкое изложение сути дела, также приводились отдельные высказывания представителей федеральных и региональных властей. Уже на следующий день сообщалось о действиях правоохранительных органов – задержании первых подозреваемых, озвучены рабочие версии преступления. Газета «Республика Татарстан», действуя в стиле региональной прессы, только на следующий день опубликовала информацию о совершенном «теракте», последовавшая в этом выпуске реакция официальных лиц только добавила эмоциональности характеру освещения события. В первые дни после происшествия издание указывало, главным образом, на сенсационный характер события, в высказываниях представителей государственных органов и общественных организаций звучала попытка отстраниться от проблемы, чтобы защитить сложившиеся властные отношения в регионе, построенные, в том числе, на идее толерантного сосуществования разных народов на территории республики. Первая и вторая стадии медиа-нарратива на практике накладываются друг на друга, их разделение является результатом применения двух разных способов презентации материала, появляющихся в определенной временной последовательности, – сначала изложение фактической информации, а затем – мнений, комментариев официальных лиц. Третья стадия – «повторная реакция» – включила в себя те статьи,

которые более детально освещали действия и высказывания представителей государственной власти. Такие материалы характеризовались большей аналитичностью и проработанностью изложения информации. В «Российской газете» приводились подробные описания находящихся в розыске подозреваемых в «теракте», мнения экспертов о причинах случившегося, развернутые комментарии представителей государственной власти. В газете «Республика Татарстан» материалы были направлены на поддержание позиций региональных властей: создание образа «они» в лице представителей нетрадиционной мусульманской общины, попытки объяснения причин случившегося, информирование об изменении закона о свободе совести, подчеркивание значимости традиционной татарской / мусульманской культуры. Этап «кульминация» – спецоперация по обезвреживанию «боевиков» – стал логическим и смысловым завершением медиа-нарратива, по крайней мере, его активной части, поскольку предполагаемые преступники были уничтожены, и власти смогли показать эффективность предпринимаемых мер. В газете «Республика Татарстан» подробно освещалось празднование мусульманами Курбан-байрама. Таким образом, в очередной раз подчеркивалась значимость традиционных ценностей ислама. Этап «послесловие» можно проследить только в республиканской газете, затронувшей вопрос о возможных изменениях в законе о федеративном устройстве России как ответной реакции на действия террористов.

Стоит отметить, что выделение этапов медиа-нарратива является условным, скорее теоретической конструкцией и имеет некоторые ограничения. Во-первых, в поле зрения кейс-стади не попали статьи, опубликованные после 15 ноября, в которых, возможно, содержалось продолжение данной медийной «истории». Во-вторых, в работе использовались материалы «Российской газеты», изначально собранные редакцией в одну тему, что не исключает возможности непопадания в выборку отдельных статей, в том числе косвенно относящихся к рассматриваемой проблеме. В-третьих, в выборке не представлены материалы газеты «Республика Татарстан» в период с 23 августа по 24 октября; в это время, предположительно, могли быть опубликованы единичные статьи, однако пик активного

освещения события к тому моменту был пройден. В целом указанные ограничения не влияют существенным образом на содержание и смысл медиа-нарратива. Выделенные этапы позволяют структурировать весь объем представленного материала, высветить основные сюжетные линии.

Важной темой, которую обозначили сообщения о событиях 19 июля и 24 октября 2012 года, является проблема федерализма, соотношения полномочий и ответственности федеральных и региональных (республиканских) властей. Актуализация этноконфессиональных ценностей долгое время была (и сейчас продолжает быть) значимым способом поддержания сложившихся отношений доминирования; укрепление позиций Татарстана в 1990-е годы на мировом и федеральном уровнях происходило в том числе благодаря риторике и практикам этноконфессионального содержания. В региональной прессе «теракт» расценивался, как попытка подорвать авторитет республиканских властей, договорных отношений между регионами и федеральным центром, установленных при первом Президенте РТ М.Ш. Шаймиеве. Особый статус республики базировался в частности на провозглашении принципа межконфессионального мира и межэтнического согласия. Поэтому региональные власти, используя массмедийный ресурс, пытались восстановить пошатнувшийся статус-кво, свести к минимуму «проблему радикального экстремизма», подчеркивая стабильный характер ситуации в регионе (для этого активно использовались идеологические стратегии, выделенные Дж. Томпсоном – «символизация единства» и стратегии группы легитимации). Для федеральных властей, напротив, детальное освещение «теракта» было способом указать на промахи в работе республиканских властей. Если раньше уникальность этноконфессионального многообразия была сильным аргументом властей республики в поддержку сложившихся отношений доминирования, то после событий 19 июля 2012 года они стали восприниматься как фактор, дестабилизирующий ситуацию в регионе. Подвижки, произошедшие в политическом поле республики, – назначение на должность нового министра МВД¹,

¹ Весной 2012 года с поста министра МВД был снят А. Сафаров и назначен А. Хохорин, возглавлявший организационно-аналитический департамент МВД РФ. А. Хохорин шесть лет до

интерпретация и расследование «теракта» 19 июля, попытки изменить законодательство о федеративном устройстве РФ¹ – можно расценивать как готовность федеральных властей пересмотреть характер отношений с региональными властями в сторону усиления своего влияния и большей централизации.

2008 года занимал руководящие должности в МВД РТ. По мнению некоторых экспертов, А. Хохорин на должности главы МВД РТ будет проводить политику, устраивающую федеральные власти.

¹ См.: Позиция Татарстана поддержана // Республика Татарстан. 2012. 10 ноября.